

ВИКТОРИЯ СКЛЯР

A dramatic movie poster for 'Черная кровь' (Black Blood) featuring Victoria Sklyar. She is depicted from the chest up, wearing a dark, ornate gothic-style dress with a high collar and intricate lace. Her long, dark hair is flowing, and her eyes are a striking, glowing red. She holds a swirling mass of dark, viscous liquid in her outstretched hand, from which a single, large, faceted red gemstone is emerging. The background is a dark, stormy sea under a turbulent, cloudy sky. In the distance, a large, imposing gothic castle with many spires sits on a rocky island. The entire scene is framed by a dark border with decorative red thorny vines and small, pale, spectral faces in the corners. The title 'Черная кровь' is written in a large, elegant, white serif font at the bottom, with red thorny vines and small red droplets integrated into the lettering.

Черная КРОВЬ

Виктория Скляр

Черная кровь

«Автор»

2026

Скляр В. В.

Черная кровь / В. В. Скляр — «Автор», 2026

Арабелла умеет разговаривать с мёртвыми и уже полгода скрывается в Морхолде, стараясь забыть дворец, откуда сбежала в детстве. Но когда дух утонувшей девушки предупреждает её о древнем проклятии, Арабелла оказывается втянута в расследование исчезновений. Ей помогает Аэннор - человек, который когда-то защищал её, а потом исчез, оставив одну среди жестокости двора. Теперь он вернулся, чтобы забрать её во дворец. Туда, где умирает король. Где её магия медленно исчезает. Где мать-Повелительница Мёртвых оставила проклятие, способное уничтожить весь королевский род. Аэннор должен подчиниться приказу. Арабелла ненавидит его за прошлое. Но что, если только он способен спасти её от собственной крови. Чтобы разрушить проклятие, Арабелле придётся выбрать: довериться человеку, который однажды её предал, или стать новой хозяйкой мёртвых. *обложка временная

© Скляр В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виктория Скляр

Черная кровь

Глава 1

Городок Морхолд лепился к скалистому берегу, как извилистый червь, выбравшийся на поверхность в дождливую погоду. Дома из серого, почти бесцветного камня, узкие улочки, что часто заводили путников в тупики пахли рыбой и гниющими водорослями. Вечный шум прибоя сопровождал жителей как надоедливая, брюзжащая старушка, что постоянно просила подать милостыню или купить свежие рыбы потроха.

Здесь редко солнце освещало избитые колдобины дорог - только туман, соль и бесконечная морось, пропитывающая одежду до нитки.

В самом центре этого промозглого места, между лавкой торговца рыбой Гастека и домом повитухи Мирты стояла мастерская гробовщика Эдвина.

Снаружи она выглядела несколько блекло - вывеска с выцветшим изображением трех сосен и тяжелая дубовая дверь, с перекошенными сверху петлями.

Дверь поддавалась не сразу, оглашая всю мастерскую скрежетом и воем.

Я уже две недели просила старика смазать петли, но он почему-то каждый раз игнорировал мои просьбы.

Внутри было темно и сыро. Здесь пахло воском, затхлостью и чем-то неуловимо сладким, тем, что въелось в эти стены задолго до меня.

Старик Эдвин сидел за своим рабочим местом, доводил до совершенства гроб для рыбака, которого несколько дней назад выловили в море.

В такие моменты Эдвин выглядел, словно искусный мастер, отсекая лишнее и придавая дереву его изящную, мертвецки симметричную форму. Стружка и опилки облепили черный фартук, создавая свой уникальный, зловещий узор.

Старик плохо слышал, потеряв остроту слуха еще двадцать лет назад, однако на мое появление реагировал всегда мгновенно.

Осунувшее, худое лицо, покрытое множеством морщин резко повернулось в мою сторону. Глаза цвета охры чуть подернутые усталостью осмотрели с ног до головы.

Узкие губы старика, испещренные множеством рыхлин и углублений напряглись, разочарованно изгибаясь. Рубанок был медленно отложен в сторону.

Кустистые серебристые брови недовольно нависли, сдвигаясь ближе к высокой переносице.

– Ты не спала, – раскатистое дребезжание голоса никак не подходило к щуплому и едва дышащему телу Эдвина. – Под глазами круги.

Я скривилась, понимая, что этот трухлявый коршун снова завел свою шарманку. Он будто надоедливая сова, что громко ухала над ухом, предрекая скорую смерть.

– Ко мне приходил Кристофер, – вынужденно призналась я, ставя сумку на свой маленький столик.

Он стоял прямо в углу комнаты, аккуратно напротив окна, позволяя мне смотреть на бушующие волны моря, что с силой бились о берег.

– Что хотел?

Я достала сверток и раскрыла его, медленно перебирая инструменты. В мои обязанности как помощницы гробовщика входило омыwać тела мертвецов, проверка инструментов и воска, ведение документации, а также общение с неупокоенными душами, передавая последние слова безутешным родственникам.

Эдвин стал зарабатывать на моей силе достаточно, чтобы я могла перестать ютиться на чердаке его мастерской и наконец-то позволила себе снять небольшую комнатку.

Моя сила некроманта подразумевала не только «видение» большего, но и возможность воскрешения с помощью жертвы крови. Но пока Эдвину хватало и простого трепачества для вдовствующих, которые были готовы щедро раскошелиться.

– Просил передать своей жене, что закопал несколько пригоршней медяков и серебра, – устало пояснила я, протирая свой хрустальный шар.

На самом деле этот атрибут был мне не нужен, но Эдвин считал, что так моя сила меньше пугала наших клиентов.

Слава Юрзе - Богу Богатства, что в Морхолде окружающим было в целом плевать на меня и проклятость моей магии.

– Сходи к его вдове, возьми с нее плату и передай сообщение, – сухо сказал Эдвин, продолжая ворковать над гробом.

В первые несколько месяцев это зрелище меня даже немного напрягало, но Эдвин был терпеливым и в некоторой степени бесстрастным. Он делал свою работу, получал плату и дальше его ничего не заботило.

– А после вернись домой и поспи, – строгий наказ мужчины стал нечто вроде традиции.

Эдвин в последнее время стал считать меня кем-то вроде своей хворающей внучки. Постоянно напоминал о еде, приносил засоленную рыбу, а еще ворчал, если я приходила на работу невыспавшейся.

– Неупокоенные стали активнее, – призналась я, медленно перебирая заговоренные в церкви Некрополиса бусины. Черные, отполированные до зеркального блеска камни были нанизаны на нить, которую я обычно носила как браслет.

Это был подарок бабушки, последний дар при переходе во взрослую и самостоятельную жизнь, когда я покинула дворец отправляясь в странствия.

Бабушка так и не простила мне то, что я уехала, считая, что это слишком опасно. Я была последним наследием их семьи, поэтому решила не принимать близко к сердцу то, что королева Некрополиса не пришла попрощаться. У нее всегда были проблемы с выражением привязанности, но я привыкла, понимая, что в глубине души старушка меня любит.

– Мертвецов становится больше, – тихо сказал Эдвин, поворачиваясь ко мне. – Дела их смертные не отпускают, а ты для них как светлячок во тьме.

– Как поэтично, – хмыкнула я, натягивая рукава шерстяной туники и кутаясь в широкий ворот.

Погода сегодня была немилосердна к жителям. Из-за близости моря в городе всегда было сыро и холодно, но утром казалось, что зима уже стучалась в окна домов, ознаменовав новый виток.

– В чайнике еще горячая вода, налей чай. Через час придет Серин, хочет поговорить со своей неупокоенной сестрой, – сказал Эдвин, возвращаясь к своему гробу и полностью теряя ко мне интерес.

И я пошла, понимая, что долг зовет.

Чайник на небольшой чугунной плите уже успел немного остыть, но едва различимая струйка пара продолжала мерно подниматься над узким носиком. Я плеснула себе полкружки горьковатого настоя и выпила залпом, обжигая горло. Эдвин покосился на меня с укоризной, но ничего не сказал, лишь кивнул на дверь, без слов говоря, мол, иди уже.

Вдова Кристофера жила в двух кварталах от мастерской, в низком доме с облупившейся штукатуркой, окна которого выходили прямо на причал. Крыша местами прохудилась и уверена внутри дома стоят деревянные ведра для сбора дождевой воды. Элоизе пришлось много денег потратить на похороны мужа, возможно, это были последние сбережения в этой семье.

Раздирающая ноздри и гортань рыбная вонь уже давно пропитала стены, вгрызаясь в каменную кладку, словно изголодавшийся по плоти зверь.

Я постучала в дверь и через минуту услышала шаркающие шаги.

– Кого там принесло в такую рань? – раздался хриплый женский голос.

Я прочистила горло, разгоняя легкую мокроту по стенкам, чтобы голос звучал звонче.

– Это Арабелла, помощница Эдвина, – громко ответила я, памятуя о том, что женщина была туга на левое ухо, плюс шум волн не играл мне на руку.

Дверь приоткрылась и на меня уставились воспаленные, карие глаза женщины лет сорока. Она выглядела так, будто не спала несколько дней и мой приход неприветливо выдернул ее из кокона скорби. Волосы вдовы были всклокоченными и нечесаными паклями, что свисали по бокам от осунувшегося, бледного лица. Под глазами залегли глубокие тени синяков.

В руках женщина сжимала край старого платка, будто он мог защитить ее от дальнейших ударов судьбы. Но насколько мне известно не понаслышке, судьба была глуха к мольбам.

– Пришли насчет Кристофера? – спросила она, и в ее голосе я услышала не только боль, но и что-то очень слабое, похожее на тонкий голосок надежды.

Многие в городке знали о моей магии и для тех, кто недавно потерял близкого человека мой дар был лучом света.

– Можно зайти?

Элоиза посторонилась, пропуская меня внутрь. В доме было темно, сыро и пахло горечью. Моя сила чувствовала давящую боль, расползающуюся по комнате. Она черной тенью проникала в каждый закуток, каждый угол, просачиваясь и приживаясь. Боль была опасна. Она разъедала и туманила разум, заставляя человека истошно вопить собственном сознании, пока тело медленно умирало.

Вдова провела меня на маленькую, пыльную кухню, где на столе стояла недопитая кружка чая и лежал кусок хлеба с маслом. Элоиза плохо ела. Ее завтрак был начат и брошен.

– Вы нашли вещи Кристофера? – спросила женщина, усаживаясь на скрипучий, старый стул и кивком головы предлагая мне второй свободный.

Я осторожно присела.

Это место было таким хлипким, что казалось сильный порыв ветра мог унести его в море. Глаза Элоизы лихорадочно заблестели.

Плохой знак.

– Кристофер передал мне кое-что, – я достала из внутреннего кармана плаща небольшой кожаный мешочек, который вытащила перед уходом из ящика стола – подарок духа, оставшийся после его похорон. – Он просил сказать, что закопал несколько пригоршней медяков и серебра под старым дубом на северном склоне холма, сразу за церковной оградой.

Вдова Кристофера всхлипнула и прижала ладонь к губам:

– Он всегда говорил, что спрячет сбережения, чтобы я больше не работала в лавке...

– Он знал, что вы не верили в его записки, – мягко добавила я. – Но он копил не для себя. Он хотел, чтобы вам хватило на новую крышу, чтобы пережить суровую зиму.

Женщина разрыдалась. Она плакала громко, навзрыд, прижимая к груди мешочек так, словно это было самое ценное, что осталось у нее от мужа. Я не решалась прервать это горе. Оно было свежим, как морская вода, которую она глотала когда-то вместе с мужем на рыбацкой лодке.

Когда Элоиза немного успокоилось, я без особой радости приняла от нее плату. Эдвин не был скупердеем, однако считал, что любая работа должна быть оплачена. Он помогал мертвым обрести покой, а я в свою очередь дарила безутешным немного радости или ответов.

Мне нравилось использовать свой дар, помогая окружающим, однако... я все еще считала, что брать деньги за последние слова духов это грязно.

Эдвин же уверял меня, что даже мертвецы понимают ценность серебра в наше время. Мой дар помогал им и они считали, что несколько звонких монет это малая плата за подобное.

Несколько серебряных монет опустились на мою ладонь. Руки Элоизы тряслись, но она с какой-то непробиваемой уверенностью вложила плату.

– Спасибо, – свистящим, едва различимым шепотом произнесла Элоиза. И в голосе ее звучала не только скорбь, но и благодарность. – Не все понимают... что вы... вы. Кристофер говорил, что вы необычная девушка, что вы слышите тех, кто ушел.

Я сдержанно кивнула, не желая вдаваться в подробности. Эта женщина не была готова узнать, насколько сильно я отличалась от простых смертных. Она просто хотела убедиться, что мир не рухнул окончательно, что где-то там, за гранью, ее все еще помнил о ней.

Когда я вышла из дома вдовы морось стала сильнее. Морхолд тонул в серой пелене дождя, который не прекращался уже несколько дней. Город казался призраком самого себя - серые стены, серые улицы, серые лица жителей, которые двигались, как призраки, стараясь не смотреть на море и на небо.

Я вернулась в мастерскую, когда Эдвин как раз отставил свой рубанок. Неупокоенная сестра Серина уже ждала меня в комнате для встреч с просителями - так мы называли маленькую каморку, где я обычно общалась с теми, кто приходил просить связи с мертвыми. Это было чистое место, с простым деревянным столом, двумя стульями и лампой. Лампа представляла собой стеклянную чашу, в которой мирно спал светящийся комок магии.

Серин - сутулый мужчина с редкими волосами, одетый в поношенный сюртук - поднялся при моем появлении и нервно посмотрел на меня.

– Госпожа Арабелла, я... я не знал, что делать, – неуверенно заикался Серин. – Моя сестра умерла две недели назад, но я каждую ночь слышу, как она плачет в своей комнате.

Я кивнула, предложив ему сесть. Прикрыв глаза, я сосредоточилась, протягивая нить своей магии через темноту к тому краю, где обитают души. Всегда так делала перед началом разговора с неупокоенными, стараясь успокоиться самой и создать защитный контур.

– Расскажите мне о ней, – попросила я, открывая глаза. – Как ее звали и что с ней случилось?

– Лия, моя младшая сестра, – голос Серина шумно сглотнул. – Она была... она была не от мира сего. Могла видеть вещи, которые другие не замечали, заговаривала с теньями. Люди шептались, что в ней есть что-то... злое. Она утонула в реке за неделю до своей свадьбы. Все думали, что это несчастный случай, но каждую ночь я слышу, как она зовет меня по имени и плачет.

Я почувствовала, как воздух в комнате изменился. Стало тяжелее дышать, холод ознобом прокатился вдоль моего позвоночника. Это было не просто горе. В нем притаилось что-то мстительное и густое, как зловоние гноя и разложение.

– Вы принесли какую-то вещь, которая принадлежала вашей сестре? – сглотнув, спросила я, готовясь к обряду призыва.

Серин потянулся во внутренний карман и вытащил медальон на потертой цепочке. Внутри была маленькая прядь светлых волос и высушенный цветок. Я не смогла различить, что это было за растение, но напоминало лепесток розы.

Я взяла медальон в руки, чувствуя, как от него исходит слабая пульсация - след чужого присутствия. Мой дар откликнулся на это прикосновение, и в комнате начало расти давление, как перед грозой.

– Хорошо. Сядьте туда, в угол, – сказала я Серину. – И чтобы вы ни слышали или ни увидели, не перебивайте меня, не двигайтесь и не дышите слишком громко.

Мужчина послушно отсел на стул, и я осталась одна с медальоном в руке. Я сжала его между ладонями и прошептала слова призыва, которым когда-то давно меня учил дедушка. Внутри меня поднялась волна силы - темная, тягучая как патока.

Комнату наполнил запах речной воды и тины. Огонек силы в чаше боязливо дернулся, и тень на стене начала расти. Она становилась все длиннее и темнее, пока не обрела очертания девушки. Молодая, с растрепанными светлыми волосами, в промокшем платье, она стояла, опустив руки вдоль тела. Ее глаза были открыты, но в них не отражался ни этот свет, ни этот мир.

– Лия, – позвала я негромко. – Лия, ты здесь?

Дух медленно повернул голову в мою сторону. Ее губы шевельнулись, и я услышала голос, который шел не извне, а откуда-то из глубины комнаты.

– Мои кости лежат не там, где положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.